

ЗАПАХ НЕНАВИСТИ

Рассказы

ДАУД И МЕФИСТОФЕЛЬ

Солдаты, размещенные на базе в селении Шейх Джафр, совершали кросс ежедневно, в рамках физической подготовки. Подразделение было элитным и для его солдат не существовало преград. Они одинаково легко преодолевали и канавы, и огороды местных жителей. При появлении солдат дети бросались врассыпную. Впрочем, солдат боялись не только дети, но и взрослые. Их вообще все здесь боялись.

В тот злополучный для Дауда день дети при виде приближающихся солдат, как всегда, разбежались. Единственный, кто не успел убежать, был шестилетний Дауд.

Они были совсем рядом, и маленькому Дауду казалось, что их обутые в коричневые армейские ботинки ноги сотрясают землю, на которой он стоит. Солдаты были такими огромными, что закрыли собою все пространство до самого неба. И вся эта масса неслась прямо на Дауда. Маленький и беспомощный, он остался совершенно один перед накатывающей на него волной ужаса в виде огромных парней с винтовками М-16. Дауд почувствовал, как отвратительная масса ползет по его ногам, и к ужасу добавилось отчаяние от позора.

Увидев несчастного ребенка, по ногам которого стекала коричневая жижа, солдаты стали громко хохотать. Мощное молодецкое «Бу-га-га-га!», будто взрыв, прогремело над округой. Перепуганная мать, преодолевая собственный страх, выскочила из дому и, схватив несчастного, захлебывающегося слезами ребенка, унесла его в дом.

Этот день стал для Дауда печатью проклятья, которой была отмечена вся его дальнейшая жизнь. С того дня за ним закрепилась, будто печать позора, унижительная кличка «засранец». Иначе его никто не называл. Так его называли теперь и сверстники, и соседи, и даже учителя в школе за глаза называли его «засранцем». Они все любили смеяться над ним, потому что его позор позволял им забыть собственный страх. И еще — от безнаказанности, потому что над ним можно было смеяться, ничего не опасаясь. Отец Дауда умер, когда ему было два года. С тех пор мать осталась одна с тремя маленькими детьми. Семьи, из которых происходили и отец, и мать, были бедны и малочисленны даже в сравнении с не слишком большими родами, жившими в селении, и защиты ждать было неоткуда.

От всеобщих насмешек ему не хотелось жить, и он мечтал о смерти как избавлении от позора.

Возможно, он и наложил бы на себя руки, если бы не одно событие, круто изменившее его жизнь.

Все изменилось для Дауда и его семьи, когда из тюрьмы вернулся брат отца — Мухаммад. В самом начале первой Интифады Мухаммад, которому тогда было шестнадцать, с группой сверстников закидывали армейские джипы камнями и бутылками с зажигательной смесью, ставших известными всему миру под маркой «коктейль Молотова». В одном из столкновений с солдатами Мухаммад был арестован и провел в израильской тюрьме больше года. Тогда следователям не удалось доказать его причастность к другим нападениям на израильских солдат.

Вернувшись из тюрьмы, он присоединился к одной из местных ячеек Народного Фронта и, совместно с друзьями, стал готовить план похищения израильских солдат, с тем чтобы потом обменять их на палестинских заключенных, томившихся в израильских тюрьмах. Попытка похищения оказалась неудачной — солдат успел открыть огонь и ранить одного из нападавших. Подоспевшие на помощь своему товарищу сослуживцы открыли огонь, и в завязавшейся перестрелке двое товарищей Мухаммада были убиты, а сам он ранен и арестован.

Военный суд приговорил его к пятнадцати годам тюрьмы, но он отсидел лишь семь и, после подписания соглашений в Осло, вернулся домой.

— В чем дело? — вдруг услышал над своей головой грозный голос дяди размазывавший слезы и сопли по лицу Дауд, в очередной раз ставший жертвой Ахмада из семьи Аль Бадр — мальчика, который был старше Дауда на два года и выделялся среди сверстников и ростом, и характером, и силой.

Ахмад не терпел слабость в любых ее проявлениях и, возможно, поэтому ненавидел и жестоко третировал Дауда, олицетворявшего в его глазах эту слабость.

При виде дяди Дауд растерялся еще больше.

Мухаммада побаивались все, и не только местные, но и так называемые «тунисцы», вернувшиеся после Осло. Он был решителен, умен, неподкупен и суров. Мухаммад отказался от всех предложенных ему правительством постов в местной иерархии и продолжал вести жизнь подпольщика. И израильтяне, и «тунисцы» внимательно отслеживали каждый его шаг, надеясь арестовать или уничтожить при первом же удобном случае. Но это им никак не удавалось. Каждый раз он то неожиданно появлялся, то так же неожиданно исчезал. И каждый раз после его появления, или сразу же после исчезновения, в тех местах, где он побывал, происходили события, вызывавшие дрожь не только у местных жителей, но и у израильтян.

Мухаммад прославился, когда был еще совсем юным. Однажды солдаты-танкисты расположенного здесь подразделения израильской армии ушли за едой, не выставив охранения. А когда вернулись, то обнаружили, что их танк наполовину разобран, и, к тому же, исчез пулемет, который так и пропал бесследно. Никто не сомневался, что это было делом рук одной из ячеек, которыми руководил тогда Мухаммад.

Впоследствии он возглавил контрразведку Фронта и нещадно уничтожал коллаборационистов в секторе Газа. Коллаборационисты умирали в страшных мучениях: им простреливали, а иногда и просверливали, коленные чашечки, скручивали стальной проволокой и уже в таком виде добивали. Иногда казни были публичными, но никто из местных не хотел или не решался указать участников расправы. Более того, к мучениям жертв и их мольбам о пощаде присутствовавшие относились совершенно равнодушно. Его уважали и боялись все — и враги, и друзья.

Сейчас этот грозный человек-легенда стоял, возвышаясь прямо над Даудом.

— В чем дело? — грозно повторил свой вопрос Мухаммад, обращаясь к племяннику.

Дауду стало стыдно как никогда в жизни. Даже в тот проклятый день ему не было так стыдно. Лучше бы провалиться сквозь землю, чем видеть перед собой дядю-героя, на фоне которого его собственное ничтожество было совершенно невыносимо.

Вдруг Мухаммад схватил его за шиворот. Дауд почувствовал, как его ноги оторвались от земли, и тут же увидел прямо перед собой белые от ярости глаза дяди, смотревшие, казалось, прямо ему в душу.

— Попробуй только нагадить еще раз в штаны, — негромко, но так, что Дауду почудилось, будто во все его сосуды разом влили ледяную воду, сказал дядя. — Сейчас ты пойдешь и набьешь ему рожу, — так же негромко продолжал дядя. — А если ты этого не сделаешь, то получишь уже от меня.

Дауд был готов на все, лишь бы дядя поскорее отпустил его.

Мухаммад, разжав руку, швырнул племянника, как котенка, к воротам. Дауд вылетел из ворот как ракета и понесся прямо на обидчика. Пролетев отделявшее его от пустыря расстояние, где находился Ахмад и его приятели, он прыгнул на своего обидчика, как пантера, и, сбив с ног, обрушил на него град ударов.

От неожиданности Ахмад даже не сразу сообразил, что происходит, и стал сопротивляться, лишь оказавшись на земле с разбитым носом и многочисленными ссадинами на лице. А Дауд, превратившись в комок ярости, без устали молотил свою жертву. Никто из друзей не решался прийти на помощь Ахмаду. Наконец Ахмад пришел в себя и, обуреваемый досадой, обрушил на нападавшего целый град ответных ударов.

В конце концов Ахмаду удалось выбраться из-под своего противника, и постепенно бой становился равным. Ахмад был гораздо сильнее, и его удары сотрясали Дауда до пят. Он наносил удары размеренно и точно, и большинство из них достигали цели.

Дауд ощущал сильную боль в области ребер, один глаз уже ничего не видел. Он чувствовал, что силы его на исходе, но отступать не хотел и отчаянно пытался контратаковать. Его держала на ногах лишь собственная ярость, в которую в одно мгновение превратился весь его страх. Дауду хотелось разорвать своего противника на куски, и он не хрипел, а рычал, как дикий зверь, от ярости, от боли и от досады на собственную слабость.

В последний свой удар он вложил остатки сил. Удар пришелся Ахмаду прямо в челюсть, и тот покачнулся. Глаза Ахмада, еще секунду назад выражавшие беспощадную решимость расправиться с врагом, вдруг приняли какое-то отрешенное выражение, и из горла Дауда вырвался торжествующий клич. Дауд уже готов был броситься на своего врага и смешать его с пылью, которую они толкли ногами, но в этот миг Мухаммад снова схватил его за шиворот, но уже не с яростью, а просто как зарвавшегося ребенка.

— Халас, — сказал он.

И в ту же секунду Дауд почувствовал, что ноги его стали ватными. Только сейчас он ощутил боль во всем теле. Лицо опухло от побоев, он не мог шевелить разбитыми губами. Особенно болели ребра. Но он чувствовал себя победителем. Он больше не «засранец»!

После этого боя Мухаммад забрал племянника в дом своей матери.

Дом бабушки находился на границе с еврейским поселением Гиват Рахель. Война между еврейскими поселенцами и жителями арабской деревни шла уже не первый год. Поселенцы строили новые дома на землях, принадлежащих жителям арабской деревни, и, чтобы заставить арабов уйти, поджигали оливковые рощи местных

жителей, жестоко избивая собиравших на своих участках урожай маслин палестинцев. В ответ арабы кидали камни в израильские военные патрули и машины еврейских поселенцев.

Дабы защитить евреев от камней и бутылок с зажигательной смесью, израильские армия и спецслужбы совершали регулярные рейды в деревню, во время которых проводили аресты подозреваемых в камнеметании. Однако эти меры мало помогали. И тогда решено было построить объездную дорогу, по которой могли ездить только жители еврейского поселения. Но к тому времени в поселенцев и солдат стали лететь уже не только камни и бутылки с зажигательной смесью, но и пули, поэтому объездная дорога тоже не была совершенно безопасной.

Все чаще израильские патрули обнаруживали на дорогах самодельную взрывчатку, и палестинцы все чаще пускали в ход огнестрельное оружие. Вскоре у них появились снайперы, которые вели уже прицельный огонь по еврейским поселениям и военным базам оккупационной армии. В ответ солдаты стреляли по бакам с водой, установленным на крышах домов в каждой палестинской деревне, и припаркованным здесь же, около домов, машинам. А если дело было ночью, то солдаты стреляли по зеленым огням мечетей. Нередко пули залетали и в наглухо закрытые окна домов. Но эти меры не охладили палестинцев. Ответный огонь становился все интенсивнее, и в ход шли уже не только автоматы, но также самодельные гранатометы. Ситуация накалялась с каждым днем.

Именно здесь в это время рос и мужал Дауд. Это был уже совсем другой Дауд, не тот несчастный забитый ребенок из лагеря беженцев Шейх Джафр. Дауд был отчаянно смелым, ловким, как пантера, и на редкость изобретательным. Может быть, именно поэтому он до сих пор был неуловим. Планируя и осуществляя нападения на израильтян, он никогда не повторялся.

Начав с забрасывания камнями проезжавших машин еврейских поселенцев и патрулей израильской армии, чуть позже он организовал прямо в небольшом домике бабушки целую мастерскую, где изготавливал бутылки с «коктейлем Молотова». Эти бутылки также предназначались еврейским поселенцам и израильским патрулям, охранявшим еврейское поселение.

Позже он организовал еще несколько мастерских, в которых изготавливалось уже самодельное стрелковое оружие, вплоть до ручных гранатометов. В свои 17 лет он был бесспорным лидером среди сверстников.

Чуть позже Мухаммад, всецело доверявший племяннику, сделал его своим доверенным лицом, и Дауд фактически руководил деятельностью всех партизанских групп, действовавших под эгидой Фронта на Западном Берегу. Он все больше становился похож на своего дядю Мухаммада.

Мухаммад совсем не был похож на своего брата — отца Дауда. Отец Дауда был человеком кротким. Работать он начал чуть ли не с десяти лет и не чурался никаких занятий. Он работал в теплицах еврейских поселений и на строительстве в Израиле и радовался, что у него есть работа, хотя для того чтобы попасть на работу в Израиль, ему приходилось вставать затемно и по несколько часов ждать на контрольно-пропускных пунктах унижительных проверок. Домой он возвращался тоже затемно, но все равно был рад, потому что в Израиле ему платили почти в два раза больше, чем в Газе. И хотя проезд в оба конца, который он оплачивал из собственного кармана, стоил ему едва ли не трети заработанных денег, отец Дауда был доволен, потому что благодаря этому заработку семья могла сводить концы с концами, хотя его дети все равно круглый год ходили босиком.

Совсем другим человеком был Мухаммад.

Неизгладимый след в его душе оставил один случай, когда в детстве отец взял его с собой на работу в еврейское поселение. Здесь было много зелени, красивые дома, удобные дороги, много воды.

— Что это? — спросил Мухаммад отца.

— Это Рай, сынок, — усмехнувшись, ответил отец.

Мухаммад вспомнил лепившиеся друг к другу лачуги в лагере беженцев, где они жили, и груды нечистот возле угрюмых двух- и трехэтажных домов.

— А там — где живем мы? — спросил он отца.

— А там — это Ад, — все так же с усмешкой ответил отец, помнивший принадлежавшие его родителям богатый дом и апельсиновые плантации в Яффо.

Мухаммад не стал спрашивать отца, что такое Ад. Он вспомнил, как на КПП, отделявшем Газу от Израиля, их заставили выйти из машины и, проверив документы, заставили взрослых, согнувшись пополам, пролазить под натянутой веревкой, разделявшей Газу и Израиль. Возможно, тогда он и решил, что не станет жить так, как жил его отец, и отомстит всем тем, кто живет в Раю, обрекая таких, как он и его отец, на Ад.

Мухаммад редко обнаруживал свои чувства. Он всегда был приветлив и улыбчив. Приветливость и улыбка тоже были его оружием. В его жизни все было оружием и все служило одной цели — победе над врагом. Чтобы уничтожить врага, к нему нужно приблизиться как можно ближе. Чем ближе ты приблизишься, тем вернее будет твой удар. Он рано осознал эту истину. Он был прост, обаятелен и всегда улыбался.

Веселому и работающему Мухаммаду удавалось проникнуть туда, куда было заказано другим, более опытным соратникам. Белолицый, с темно-синими глазами, он в совершенстве знал иврит и затеряться среди израильтян ему не представляло никакого труда. Такой человек был просто незаменим в качестве связного. Став постарше, он проявил недюжинные организаторские способности, и его авторитет среди товарищей был